

КОРЯКСКИЙ ЯЗЫК (тексты и толкование текстов)

УДК: 398.22(=811.551.3)

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН

Проблемы изучения языковой личности (на материале автобиографических рассказов оседлых и кочевых коряков)*

В статье дается краткое представление о сложностях, возникающих в процессе анализа языковой личности. Материалом исследования послужил корпус текстов – устных и письменных автобиографических рассказов береговых и оленных коряков. Разные аспекты изучения языковой личности выражаются в разработке разных подходов, утвердившихся в языкознании. Главная задача статьи – понять, насколько разработанные подходы будут эффективны в процессе анализа корякских автобиографических рассказов и выявления особенностей языковой личности каждого конкретного рассказчика.

Ключевые слова: коряки, корякский язык, языковая личность, языковая компетенция, автобиографический нарратив.

Угасание этнической языковой традиции побуждает исследователей документировать естественные тексты на исчезающих языках. Запись новых текстов и их публикация дают новый материал для лингвистических исследований. Эти исследования затрагивают не только фундаментальные вопросы грамматики языка, но и позволяют размышлять об особенностях национальной языковой личности в условиях русскоязычного мира. Человек, принадлежащий по праву рождения к исчезающему этносу и владеющий родным языком, чувствует себя уникальным. В такой ситуации знание родного языка, безусловно, воспринимается как истинное достоинство человека. В подтверждение приведём высказывание нашей собеседницы, этнической чавчуженки, Лилии Аймык:

45.	Ыллаг'а ыонпын кэнэв'нывоң, имъежин ею, ячы-ко валг'о, инанмитытвати.	Мама всё время говорила мне, всему, что есть в доме, научила меня.
46.	Анам, эчги ыыйым эв'ын тав'анияватык, ыыйым эв'ын тав'анук, ыыйым эв'ын имыйынны гэйгу-лэлли, тыг'ытвын мэлыгитаньэтың.	Наверно, сейчас бы я не говорила [по-корякски], не шила, ничего не узнала, говорила бы по-русски.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00108а «Устный и письменный автобиографический нарратив в референциальном аспекте (на материале корякского и алюторского языков)».

Голованева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: gta-77@mail.ru, тел: 89140527760.

47. Эчги еҕэҕэ накэв'нывогым: «Гыччи *антиквариат*-тэҕэ, мыев'нымитыйги в'аҕэҕ, нимитыйги в'аняватык».
48. Тэҕын *антиквариат*.
- * [Голованева, Мальцева, 2015, с. 32].
- А сейчас говорят мне: «Ты антиквариат, потому что умеешь шить, умеешь говорить».
- Как будто антиквариат.

Понимание того, что корякский язык исчезает, побуждает носителей языка искать способы сохранения своего языкового наследия. В связи с этим актуальным становится даже обращение к лингвистам. В настоящее время проявляется стремление береговых и оленных коряков передать свои тексты специалистам, которые смогут вывести эти тексты (устные или письменные) за рамки 'архива' отдельной личности и сделать вневременным достоянием. Так, Александра Алексеевна Кергильхот отдала нам свой рукописный корякско-русский словарь, который содержит более 500 слов, написанных по правилам авторской орфографии, разработанной А. А. Кергильхот. Помимо собственно словника, в рукописном словаре есть размышления Александры Алексеевны о корякском языке и о специалистах, его изучающих: «*Эти русские писатели во время революции всё перевернули. А сейчас учат в Санкт-Петербурге неизвестно какой чавчуженский. Даже мы, пожилые люди, не знаем некоторых таких чукотских слов. И сами учителя, которые преподают тот язык, с горем пополам связывают два слова. А смысл сказанного ещё надо понять, разобраться, о чём было сказано. И, между прочим, некоторые такие преподаватели, которые толком-то не знают своего языка, имеют учёные степени. Посоставляли такие словари, что с великим трудом можно сообразить слово и его значение. ... Составляют какие-то непонятные учебники-пособия, а дети тычутся в них и ничего не могут понять*» [Рукописный словарь А. А. Кергильхот]. Александра Алексеевна Кергильхот, критически относившаяся к нашим попыткам документировать корякскую речь, тем не менее, в беседе с нами сказала: «Может быть, хоть вы сможете что-нибудь сделать с этими рассказами, а то я рассказываю, рассказываю везде...».

Будучи в экспедиции в с. Тымлат в 2000 г., Алла Александровна Мальцева записывала речь береговых коряков, владеющих родным алуторским языком. В числе прочих был и Алексей Егорович Нестеров, уроженец с. Подкагерная, 1937 г. рождения. Потомственный оленевод, он не мог равнодушно смотреть, как разрушается корякское оленеводческое хозяйство в конце девяностых годов XX века. Все свои мысли по этому поводу, свои надежды, свой взгляд на историю народа он выразил в интервью Алле Александровне. Общая продолжительность записи составляет пять с половиной часов (!) алуторской звучащей речи. Текст, произнесенный А. Е. Нестеровым, звучит как послание во вне. В нем содержатся и вопросы, адресованные власти, и размышления о том, как можно улучшить жизнь оленеводов, и наказы потомкам. Алексей Егорович обращается к лингвисту А. А. Мальцевой как к посреднику между оленеводами и государством:

801. *Ната* маҕкыт ҕан таплепав'гырҕын лаукки ынни игыҕын ҕун, маҕкыт паненячэнау мэчяҕ мынҕыҕвола юнатык. Надо как-то искать возможность улучшения, такую вот, как и раньше хорошо начали бы мы жить.
802. Ғунам ачи мури, гынан инапыҕлуткы, ҕынвыҕ йичучавыткы аҕиньмыгырҕын ынтаҕ ав'ын аҕиньмыгырну, ҕучаҕ алваҕ тытвыткына, ҕун ван таньав' маҕкыт юнатгырҕын итылҕын ынтаҕ ван таньав' тытвына. И даже сейчас мы, ты меня спрашиваешь, многое понимаешь из сказанного, что-то я не так говорю, но какая жизнь есть, правильно я рассказал.
- * [Архив А. А. Мальцевой: автобиографический рассказ А. Е. Нестерова].

В письмах корякской журналистки Е. И. Дедык, уроженки Воямпольскрй тундры, 1932 г.р., отчетливо звучит надежда, что лингвисты смогут опубликовать, а тем самым и сохранить её уникальное наследие: «*Я немного стала сдавать. Что-то силы уходят, но ещё хочется многое написать. Всё это будет для вас. Будь уверена, они [записи] неповторимы, потому что ничего не придумано. Всё это было в жизни*» [Из письма Е. И. Дедык]. Екатерина Ивановна Дедык в течение 4 лет отправляла нам письма-воспоминания на корякском языке. В них рассказчица запечатлела самые яркие моменты своей жизни. И вот перед нами архив её рукописей. В первую очередь, наша задача – по мере возможности публиковать рукописные тексты на корякском языке. Именно эти письма, снабженные переводом на русский язык и глоссированием, мы последовательно публикуем в журнале «Языки и фольклор коренных народов Сибири» [2015, № 1 (28), № 2 (29)], так как пока не имеем возможности опубликовать собра-

ние сочинений корякской журналистки. Вторая задача – анализировать языковые явления, проявившиеся в авторских текстах и отражающие определенные закономерности исторического развития корякского языка. В связи с тем, что архив материалов (более 100 текстов) принадлежит перу одного человека, появляется возможность изучать особенности языковой личности Е. И. Дедык. Такой подход в сопоставлении с материалами, записанными от других рассказчиков, дает основание изучать не только лексико-грамматические особенности языка, но и исследовать стилистические возможности корякского языка, а также анализировать уровень языковой компетенции повествователя.

Изучение особенностей языковой личности – одно из актуальных направлений современной лингвистики. Антропоцентрический подход, обращенность к человеку позволяют в рамках лингвистического исследования постоянно проводить связь между языковым явлением и особенностью языкового поведения личности. В противоположность такому подходу исследования, фокусирующие все внимание на особенностях грамматической системы, напротив, нивелируют рассказчика. При таком подходе авторское начало, непосредственно порождающее текст, противопоставлено объективным языковым закономерностям, которым личность подчиняется в ходе продуцирования текстов. В таких исследованиях в центре внимания – языковой механизм, языковое явление. Примером такого подхода на материале алюторского, корякского и чукотского языков являются исследования А. А. Мальцевой. В монографиях «Морфология глагола в алюторском языке» [Мальцева, 1998] и «Глагольные отрицательные конструкции в корякском языке» [Мальцева, 2014] в центре исследования – грамматические явления, проявившиеся в текстах разных носителей языка. Носители языка предстают в качестве посредников, через речь которых проявляются языковые закономерности. В таком случае в задачи исследователя не входит анализ индивидуальной речевой манеры говорящего, хотя субъективно эта авторская манера ощущается. С другой стороны, текст порожден личностью. В нем отражены стремления этой личности. Выбор языковых средств осуществляется рассказчиком бессознательно, но он подчинен желанию личности как можно точнее выразить свою мысль, кроме того, этот выбор обусловлен уровнем языковой компетенции говорящего. В тексте отражается определенная языковая манера конкретной личности. Но как выявить её. В языкознании сформировались определенные подходы к изучению языковой личности. Литература по этому вопросу очень обширна, что свидетельствует об актуальности данной проблемы. Обилие литературы не снимает необходимости выбора метода исследования применительно к конкретному материалу. Вопрос данной статьи состоит в следующем: если мы ставим перед собой цель исследовать особенности языковой личности на материале устных и письменных автобиографических рассказов на корякском и алюторском языках, то какой подход для нас будет наиболее эффективен.

Разделяют широкое и узкое понимание термина “языковая личность” [Фесенко, 2014, с. 270–271]. Коллективная языковая личность противопоставлена индивидуальной языковой личности. В широком понимании языковая личность представляется абстракцией. Описание особенностей такой коллективной языковой личности базируется на исследовании общих закономерностей, имеющих место в речи носителей конкретной языковой традиции. Узкое понимание термина “языковая личность” предполагает фокусирование исследования на максимально доступном количестве текстов, созданных одним человеком. В этом случае анализ языковой личности предполагает поиск индивидуальных черт, авторских особенностей ее текстов.

Один из подходов предполагает исследование языковой личности через систему ценностей, отражившуюся в текстах. Лингвокогнитивный подход представляет собой выявление на основе текстов тех базовых принципов, которые непосредственно конструируют саму личность. При таком подходе текст является посредником для понимания особенностей личности рассказчика, его внутренней философии. Лингвокогнитивный подход чрезвычайно продуктивен при исследовании масштабных исторических личностей: Ивана Грозного [Попова 2004], патриарха Гермогена [Литвинова, 2014], Петра I [Гайнуллина, 2002], Екатерины II [Никитина, 2012]. Результаты этих исследований позволяют в какой-то степени понять базовые ценности исторических деятелей. Применительно к корякскому материалу лингвокогнитивный подход не является в той же степени продуктивным. Наши рассказчики, в отличие от исторических деятелей, используют текст для того, чтобы как можно яснее выразить свое видение жизни. Их базовые ценности выражаются в текстах непосредственно. В качестве подтверждения приведем фрагмент из автобиографического рассказа А. Е. Нестерова:

47. Ёун ыннин гымыкыннин’а атыу гымыкы тывнина, ыллыга, ыллаа: «Кытывыл атин-матка тита томыкы гытылџива.

И дядя мой мне это сказал, отец, мать:
«Никогда не обманывай других.

48.	Ыннин алвалын мальёнатгырнын, нэм г'ак толъатгырнын ыннин».	Это не есть хорошая жизнь, как и воровство».
49.	Иви: «Ын толъатгырнын – амын ыннин алвалын мальёнатгырнын.	Сказал: «Воровство – это тоже не есть хорошая жизнь.
50.	Ытти томыкың тачиччыңнууык ыннин.	Или специально плохо поступать с друзьями.
51.	Ытти тин никакки тинаткыплануыгырнын.	Или же это рукоприкладство.
52.	Кытывыл тита ынкыт аюнатка.	Никогда так не живи.
53.	Танъав' таюнаатың, ытыт тита ақан тазык ыникаги ыпкав'ги юнатык.	Правильно будешь жить, никогда ни в чём не будет тебе неудачи.
54.	Нэраң таюнаатың, акин нэраң таңвуң юнатык».	Станешь плохо поступать, и тогда плохо будешь жить».
- * [Архив А. А. Мальцевой: автобиографический рассказ А. Е. Нестерова].

В нашем случае лингвокогнитивный аспект непродуктивен. Жизненные установки корякских рассказчиков проявляются в их автобиографических текстах непосредственно, максимально открыто. Пересказывание того, что и так очевидно, только затемнит исходный смысл текстов.

Ряд исследователей подходит к анализу языковой личности с позиций гендерного подхода. Исходной позицией этого подхода является допущение, что существуют вербальные стереотипы, характерные для определённых гендерных групп [Прима, 2012]. Однако применительно к корякскому и алюторскому материалу этот подход вряд ли будет продуктивным, так как для выявления гендерных стереотипов как таковых требуется очень большой объём текстов, записанных как от женщин, так и от мужчин разных возрастов. На материале корякского и алюторского языков у нас нет достаточного объёма таких текстовых ресурсов.

Языковая личность может быть исследована с позиции лингвopsихологии. В соответствии с этим подходом, в тексте отражаются особенности психотипа личности. В статье А. Ю. Большой представлен типология языковых личностей с позиции психолингвистики [Большова, 2015]. Первый тип – “метасимволическая языковая личность”. Люди этого типа фокусируют свое внимание на картине в целом, а не на деталях изображения. Рассказчики этого типа не описывают детали моделируемой ситуации. Они склонны к ассоциациям, попутным замечаниям. Для них характерны длинные сложноподчиненные предложения. Второй тип языковой личности – “эмпатическая языковая личность”. Этот тип личности сопоставим с первым, но, в противоположность первому типу, рассказчик (“эмпатическая языковая личность”) большое внимание уделяет описанию межличностных взаимоотношений. Первому и второму типам языковой личности противопоставлен третий: “фактографическая языковая личность”. Рассказчики, условно относимые к этому типу, склонны к перечислению фактов и подробностей. Их тексты имеют чёткую структуру. Предложения лаконичны. Каждое следующее предложение вытекает из предыдущего. Четвёртый тип: “репрезентативная языковая личность” – соединяет в себе черты первого и второго типов. С одной стороны, такие люди склонны к перечислению фактов и подробностей, они отдают предпочтение дескрипциям, обладающим высокой степенью референтности. С другой стороны, их тексты не подчиняются чёткой структуре. Нередко заканчиваются вопросом или многоточием. Помимо представленных четырёх типов языковой личности А. Ю. Большова даёт краткую характеристику языковых особенностей текстов, порождённых экстравертами и интровертами, противопоставляя соответственно сенсорный и интуитивный способ восприятия мира и отражения его в тексте [Большова, 2015, с. 50–51]. Исследование языковой личности с позиций лингвopsихологии синтезирует изучение психологического типа личности и языковых средств, посредством которых конкретный психологический тип проявляет себя в моделируемых текстах. Данная классификация отчасти применима к нашему материалу. Но психолингвистический подход, делая акцент на особенностях психологии человека, не учитывает этнические различия рассказчиков. Согласно этому подходу экстраверты и интроверты, независимо от того, на каком языке они создают текст, бессознательно прибегают к определенным приёмам отражения объективного мира в тексте.

Национальная специфика текста актуальна для культурологического подхода. С этой точки зрения в фокус внимания исследователя попадают национально специфические особенности восприятия мира, отражённые в тексте [Халупо, 2013]. Однако критерии анализа национального текста с позиций лингвокультурологии не являются чёткими. Более всего культурологический анализ соотносится с теорией концептов. Сложность заключается в том, что наши рассказчики выросли и всю взрослую жизнь провели в русскоязычном мире. Национальные концепты русского мира восприняты ими и сосуществуют параллельно с концептами корякского мира, а иногда и доминируют. Общероссийский

культурный контекст и национальные особенности мировосприятия настолько тесно взаимодействуют в сознании рассказчиков, что невозможно говорить об объективных критериях дифференциации этих составляющих сознания. Переплетение русского и коряжского языковых культур иногда проявляется и в неосознаваемой смене кода.

Лингвокультурологический подход в некоторых работах квалифицируется как составная часть лингвоперсоналогического аспекта изучения текста. В связи с этим предметом лингвистического анализа являются: 1) стилистические особенности текста, 2) лексико-грамматические особенности, 3) лингвокультурологические концепты, проявляющиеся в тексте [Салимова, 2014]. Но одно дело – манифестировать программу действий, генеральный план исследования, и совсем другое – попробовать применить этот абстрактный план к реальному анализу конкретных текстов. С. А. Шейпак отмечает тот факт, что обилие различных определений, обобщенное описание подходов к изучению языковой личности на деле совершенно не конкретизируются реальными критериями анализа, применимыми к любым текстам, в том числе и национальным [Шейпак, 2015].

Особенности национальной языковой личности в условиях полиэтнического пространства – актуальная тема для Российской Федерации. Разные этнические регионы – разные языковые проблемы. Согласно исследованиям, проведенным в Кабардино-Балкарской республике, в этом регионе в результате государственной поддержки титульных наций и их языка, доминирование балкарского языка в школах снижает уровень владения русским языком. В результате языковая компетенция этнических балкарцев, прекрасно владеющих родным языком и лишь отчасти владеющих русским, недостаточна для обучения в ВУЗе [Башиева и др., 2012]. На полуострове Камчатка совершенно иная ситуация. Наши собеседники, этнические коряки, в школе обучались на русском языке, а в повседневной жизни говорят на русском. Коряжский и алюторский языки – это, прежде всего, языки их детства, языки их родителей. Приведем пример из автобиографического рассказа Л. А. Аймык, в котором рассказчица вспоминает о языке своих родителей:

21.	Гымнин энъпич ыннин вэтгавыльг'ын чав'чывачг'энаң, лыгичав'чыван.	Мой отец, [который] так говорил по-чукотски, настоящий оленевод.
22.	Ылла ынъныг'ан ков'аняв'атың ¹ .	Мама вот так говорила.
23.	Ѓымэк кэв'ныволаң – коряки оленные и коряки береговые.	Почти так и говорят – это коряки оленные и коряки береговые.

* [Голованева, Мальцева, 2015, с. 30]

Для наших собеседников, обрусевших этнических коряков, уровень владения родным языком – один из самых уязвимых моментов этнической самоидентификации личности. Нередко в ходе экспедиционной работы возникают ситуации, когда наши собеседники убеждают нас и сами уверены, что прекрасно помнят родной язык. И, возможно, в их субъективном мире это именно так. Но как только наступает момент, когда по нашей просьбе рассказчику необходимо произнести текст (любое воспоминание из детства) на родном языке, он невольно сбивается на русский.

Один из основоположников теории языковой личности, Ю. Н. Караулов, сущность языковой личности определил как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов, 1987, с. 27]. В ходе экспедиционной работы в г. Петропавловске-Камчатском мы столкнулись со случаями, когда носители коряжского или алюторского языка, имея намерение описать на родном языке какой-либо эпизод из своей жизни, обнаруживали, что не владеют достаточным «набором языковых способностей, умений, готовностей», т. е. уровень языковой компетенции, необходимый им для осуществления своих коммуникативных намерений, был недостаточным. Записать продолжительный рассказ на коряжском или алюторском языке – для нас большая удача. И дело совсем не в том, что респонденты хотят быть понятыми русскоговорящими исследователями. Приведем контраргумент. Упомянутый ранее оленевод А. Е. Нестеров демонстрирует настолько высокий уровень владения родным языком, что способен вести монологическое повествование на алюторском языке на протяжении 1,5 часов. А. Е. Нестеров последовательно и подробно по-алюторски излагает свою мысль. Его речь – яркий пример высокой языковой компетенции. С этой точки зрения тексты, записанные от Алексея Егоровича, можно считать эталоном языковой компетенции. Уровень владения родным языком у большинства наших рассказчиков заметно ниже, чем у А. Е. Нестерова. Снижение языковой компетенции

¹ Рассказчица показывает разницу между родными языками родителей, используя чукотский и коряжский (глаголы с семантикой 'говорить').

проявляется, прежде всего, в речевых сбоях, смене языкового кода, излишнем употреблении заместительных слов [Голованева, 2014]. Непродолжительность рассказов на родном языке также является свидетельством снижения языковой компетенции говорящего. Мы неоднократно видели, как наши собеседники, не желая обнаруживать низкий уровень владения родным языком, просто отказывались вести диалог, хотя по-русски готовы были беседовать с нами часами. Многолетнее отсутствие разговорной практики на родном языке неизбежно приводит к утрате языковых навыков и умений.

Языковая политика на полуострове Камчатка совершенно не меняет сложившейся ситуации. Русский язык является доминирующим даже в семейном кругу этнических коряков, так как преобладают смешанные браки. Записи бесед с коряками, проживающими в городе, дают нам полное право говорить о том, что родной язык исчезает из сознания его носителей. Именно по этой причине особенно актуальным становится изучение языковой личности современных коряков в аспекте их речевой компетенции, отражающей уровень владения родным языком.

Процесс утраты языка актуален для многих исчезающих этносов нашей страны. Современные экспедиционные материалы отражают системные языковые явления. Наша задача состоит в том, чтобы проанализировать, какие процессы происходят в языке в период угасания этнической языковой традиции и выявить четкие критерии, которые позволят исследовать особенности личности в аспекте её языковой компетенции.

Список информантов

Аймык Лилия Александровна, 1970 г. р., уроженка верховий р. Верхние Пахачи Олюторского р-на Камчатского края, с 2006 г. проживает в г. Петропавловске-Камчатском.

Дедык Екатерина Ивановна, 1932 г. р., уроженка Воямпольской тундры, проживает в п. Палана Тигильского р-на Камчатского края.

Кергильхот Александра Алексеевна, 1951 г. р., уроженка с. Ветвей Олюторского р-на Камчатского края, с 2006 г. проживала в г. Петропавловске-Камчатском.

Нестеров Алексей Егорович, 1937 г. р., уроженец с. Подкагерная Камчатского края, проживал в с. Тымлат Карагинского р-на.

Список литературы

Башиева С. К., Шогенова М. Ч., Дохова З. Р., Безрокова М. Б. Современная языковая личность в полиэтническом пространстве (на примере Кабардино-Балкарии) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. 2012. С. 134–139.

Большова А. Ю. Лингвopsихологическая типология языковых личностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (47). Ч. I. 2015. С. 47–52.

взаимоотношения и изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (39). Ч. I. 2014. С. 153–156.

Гайнуллина Н. И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Казахский университет, 2002. 126 с.

Голованева Т. А. Функции заместительного слова *pike* в корякском спонтанном нарративе // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (27). 2014. С. 39–50.

Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015. 172 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 268 с.

Литвина Т. А. Языковая личность патриарха Гермогена // Филология и культура. № 4(38). 2014. С. 146–150.

Мальцева А. А. Глагольные отрицательные конструкции в корякском языке. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 138 с.

Мальцева А. А. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 252 с.

Никитина А. Ю. Языковая личность Екатерины II сквозь призму ее письменного наследия // Русский язык: функционирование и развитие: материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.). Т. 1. Казань: Казанский университет, 2012. С. 150–157.

Попова О. В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.

Прима А. М. Языковая личность автора с позиции гендерологии // *Lingua mobilis*. № 6 (39). 2012. С. 88–91.

Салимова Л. М. Лингвокультурная ситуация, языковая личность и текст: особенности

Фесенко О. П. Языковая личность, речевой портрет, речевой паспорт: к вопросу о сопоставлении понятий // *Современные научные исследования: теория, методология, практика*. Т. 1. № 4. 2014. С. 269–273.

Халупо О. И. Лингвокультурная личность как носитель языкового и культурного опыта (лингвокультурный аспект в определении лингвокультурной личности) // *Язык и культура* (Новосибирск). № 4. 2013. С. 97–101.

Шейнак С. А. Языковая личность и дискурсивный эпос // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 3 (45). Ч. III. 2015. С. 204–210.

T. A. Golovaneva

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
gta-77@mail.ru*

**Problems in studying of language personality:
Due to autobiographic stories of the coastal and reindeer koryak materials**

References

Bashieva S.K., Shogenova M.Ch., Dohova Z.R., Bezrokova M.B. Sovremennaja jazykovaja lichnost' v polijetnicheskom prostranstve (na primere Kabardino-Balkarii) [Modern linguistical personality in polyethnic space (on the example of Kabardino-Balkaria)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Aktual problems of Philology and pedagogical linguistics]. 2012, no. 4, pp. 134-139.

Bol'shova A.Ju. Lingvopsihologicheskaja tipologija jazykovyh lichnostej [Linguopsychological typology of linguistic personalities]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology science. The theory and practice]. 2015. no. 5 (47), pt. I, pp. 47-52.

Fesenko O.P. Jazykovaja lichnost', rechevoj portret, rechevoj pasport: k voprosu o sopostavlenii ponjatij [Linguistic personality, speech portrait, voice passport: to the question about mapping concepts]. *Sovremennye nauchnye issledovanija: teorija, metodologija, praktika* [Modern scientific researches: theory, methodology, practice]. 2014, pt. 1, no. 4, pp. 269-273.

Gajnullina N.I. *Jazykovaja lichnost' Petra Velikogo (Opyt diahronicheskogo opisanija)* [Language personality of Peter the Great (the Experience of diachronic description)]. Almaty: Kazahskij universitet, 2002, 126 p.

Golovaneva T.A. Funkcii zamestitel'nogo slova niki v korjakskom spontannom narrative [Function substitution of the word niki in the Koryak spontaneous narrative]. *Jazyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri* [Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia]. 2014, no. 2 (27), pp. 39-50.

Golovaneva T.A., Mal'ceva A.A. *Golosa korjakskej kul'tury: Lilija Ajmyk* [Voices of Koryak culture: Lilija Ajmyk]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2015, 172 p.

Halupo O.I. Lingvokul'turnaja lichnost' kak nositel' jazykovogo i kul'turnogo opyta (lingvokul'turnyj aspekt v opredelenii lingvokul'turnoj lichnosti) [Linguocultural personality as a bearer of cultural and linguistic experience (linguistic and cultural aspect of defining linguistic and cultural identity)]. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. Novosibirsk, 2013, no. 4, pp. 97-101.

Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka, 1987, 268 p.

Litvina T.A. Jazykovaja lichnost' patriarha Germogena [Language personality of Patriarch Germogen]. *Filologija i kul'tura* [Philology and culture]. 2014, no. 4(38), pp. 146-150.

Mal'ceva A.A. *Glagol'nye otricatel'nye konstrukcii v korjakskom jazyke* [Verbal negative construction in Koryak language]. Novosibirsk: RIC NGU, 2014, 138 p.

Mal'ceva A.A. *Morfologija glagola v aljutorskom jazyke* [The morphology of the verb in the Aliutor language]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998, 252 p.

Nikitina A.Ju. Jazykovaja lichnost' Ekateriny II skvoz' prizmu ee pis'mennogo nasledija [Language personality of Catherine II through the prism of her writing legacy]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Russkij jazyk: funkcionirovanie i razvitie"*: (Kazan', 18-21 aprelja 2012 g. Kazan') [Materials of International scientific conference: Russian language: functioning and development]. Kazan': Kazanskij universitet, 2012, pt.1, pp. 150-157.

Popova O.V. *Jazykovaja lichnost' Ivana Groznogo (na materiale delovyh poslanij)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Language personality of Ivan the Terrible (based on the business messages)]. Omsk, 2004, 19 p.

Prima A.M. Jazykovaja lichnost' avtora s pozicij genderologii [Language personality of the author from Genderology position]. *Lingua mobilis*. 2012, no. 6 (39), pp. 88-91.

Salimova L.M. Lingvokul'turnaja situacija, jazykovaja lichnost' i tekst: osobennosti vzaimootnoshenija i izuchenija [Linguocultural situation, language identity and text: features relationships and learning]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. The theory and practice]. 2014, no. 9 (39), pt. I, pp. 153-156.

Shejpkak S.A. Jazykovaja lichnost' i diskursivnyj jetos [Linguistic personality and discursive ethos]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Theory and practice]. 2015, no. 3 (45), pt. III, pp. 204-210.